

Г.Г. Перетц

**В цитадели Русской
революции**

**Записки коменданта
Таврического дворца**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.Г. Перетц**
В цитадели Русской революции: Записки коменданта Таврического дворца /
Г.Г. Перетц – М.: Книга по Требованию, 2014. – 112 с.

ISBN 978-5-517-97843-1

ISBN 978-5-517-97843-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Начало конца.

Монархическій строй колебался. Съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе и яснѣе, что приближается неизбежный конецъ. Это видѣли не только граждане, испытывающіе на себѣ всю тяжесть архаическаго царскаго режима, но это сознавали и на верху. Правда, не всѣ стоящіе около власти, могли ясно отдать себѣ отчетъ во всемъ происходящемъ. Кто изъ нихъ раболѣпствовалъ и закрывалъ глаза, лишь бы только получить какую-нибудь лишнюю побрякушку, кто, упоенный своимъ величіемъ, не видѣлъ ничего кромѣ себя и не хотѣлъ дать, себѣ труда, вникнуть въ ту тяжелую трагедію, которую переживали страна и весь русскій народъ.

Но и среди царедворцевъ, среди золотой пустоты, окружавшей царя, иногда просыпалось сознание дѣйствительности. Случайная газетная замѣтка или рассказъ невоздержаннаго посѣтителя на минуту открывали имъ глаза; передъ ними вставали кровавые призраки 1905 года, и они въ ужасѣ бѣжали къ Николаю, чтобы открыть ему глаза.

Николай выслушивалъ рассказъ, устремивши взоръ куда то вдаль, поддакивалъ, иногда хмурилъ брови и, въ лучшемъ случаѣ, говорилъ: „хорошо, я подумаю“. Но, конечно, черезъ 5 минутъ онъ забывалъ этотъ разговоръ и о благѣ народа уже совершенно не думалъ. Тотъ же царедворецъ, который дерзалъ нарушить покой своего повелителя, подвергался опалѣ. Вѣрные псы, охранявшіе покой Николая, начинали скалить свои зубы на пытавшагося открыть царю глаза, особенно усердствовалъ Воейковъ.

Но все же тяжелое положеніе, переживаемое страной, заставляло все чаще и чаще осмѣливаться говорить съ царемъ. Протопресвитеръ от. Шавельскій, еще 17 марта 1916 года, указывалъ на необходимость реформъ. Онъ говорилъ о народномъ гнѣвѣ, ожидающемъ царя, онъ говорилъ о той невозможной атмосферѣ, которая создавалась при дворѣ, благодаря Григорію Распутину и другимъ подобнымъ проходимцамъ.

Царь мрачно выслушалъ его, ничего не отвѣтилъ и съ этихъ

поръ избѣгалъ встрѣчь съ духовникомъ. Однако, 6 ноября, от. Шавельскій вторично заговорилъ съ Николаемъ, убѣждая его открыть глаза на происходящее. Царь молчалъ. На другой день царскому духовнику было предложено впредь такихъ вопросовъ не затрагивать, не вторгаться въ семейную жизнь царя и не омрачать его безмятежной жизни глупыми сплетнями; причемъ былъ сдѣланъ очень деликатный намекъ на то, что безпокойнаго священника не трудно и удалить, замѣнивъ болѣе удобнымъ человекомъ.

Царедворецъ-священникъ, конечно, предпочелъ замолчать и ради сохраненія почетнаго мѣста отказаться отъ пастырскаго долга.

Однако, происходящее въ странѣ безпокойло приближенныхъ царя. Они трепетали за свое положеніе, за свою власть; глаза ихъ открывались, они понимали, что протопоповщиной не спасти Россіи, что Распутинъ ведетъ Россію къ гибели, а царя съ его семьей къ заточенію. И что же тогда будетъ съ царскими присѣшниками?!

И вотъ, трепеща за себя, за свою судьбу, они въ царской ставкѣ, въ концѣ прошлаго года, за нѣсколько дней до убійства Григорія Распутина, собираются на тайное совѣщаніе, гдѣ обсуждаютъ проектъ необходимыхъ реформъ. Тамъ же составляется проектъ манифеста царя къ народу, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ спасти положеніе. Текстъ проекта былъ, по мысли авторовъ его, довольно либераленъ, но, конечно, народа не могъ удовлетворить.

„Тяжело испытаніе, переживаемое Великой Россіей вслѣдствіе небывалой въ исторіи героической борьбы доблестныхъ защитниковъ родины и ея вѣрныхъ соратниковъ съ сильнымъ и коварнымъ врагомъ“, читаемъ въ этомъ проектѣ.

„Тяжелы и лишенія, ниспосланныя Провидѣніемъ дорогому *нашему* сердцу народу. Но близится давно желанный часъ побѣды и торжества правды и справедливости, грубо поправной жестокою Германією и ея союзниками. Въ эти, рѣшающіе судьбы народовъ, моменты необходимо особое напряженіе всѣхъ силъ народныхъ и прѣвыше всего дружное единеніе всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Державы Россійской въ стремленіи принести на алтарь отечества свои силы и свое достояніе.

Обращая *наши* помыслы къ вящему обезпеченію единенія всѣхъ *нашихъ* вѣрноподданныхъ въ доведеніи настоящей войны до скорѣйшаго и побѣдоноснаго конца признали *мы* за благо образовать Совѣтъ Министровъ изъ лицъ, пользующихся обще-

ственнымъ довѣріемъ, для чего *повелываемъ* Предсѣдателю Государственной Думы собрать совѣщаніе изъ товарищей Предсѣдателя Думы съ секретаремъ и его товарищей, а также изъ Членовъ Государственной Думы, являющихся представителями отдѣльныхъ думскихъ партій, и о лицахъ, кои будутъ указаны симъ совѣщаніемъ, представить *намъ* докладъ.

Озабочиваясь также принятіемъ наиболѣе дѣйствительныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ обезпеченію какъ арміи, такъ и всего населенія, къ восстановленію правильнаго движенія транспорта и снабженія необходимымъ топливомъ и матеріалами заводовъ, работающихъ на оборону, признали *мы* за благо учредить Верховнаго Министра Государственной Обороны, на обязанность коего возлагаемъ первѣйшимъ образомъ объединеніе всѣхъ мѣропріятій государственнаго значенія, дабы дѣятельность различныхъ органовъ управленія была направлена въ полной мѣрѣ къ служенію арміи для побѣды и изгнанія непріятели изъ предѣловъ Россіи. Въ видахъ достиженія означенной цѣли сему Министру, по предметамъ его вѣдѣнія, *повелываемъ* подчинить всѣ, безъ исключенія, государственныя (военныя и гражданскія), городскія, земскія, сословныя и иныя общественныя установленія, организаціи и должностныхъ лицъ и распоряженія коего исполнять какъ *наши* повелѣнія. Ближайшимъ образомъ права и обязанности сего Верховнаго Министра опредѣляются особымъ положеніемъ.

Независимо отъ сего, въ ознаменованіе *нашего* искренняго и благожелательнаго довѣрія къ высокому патріотическому подъему, охватившему всѣхъ сыновъ Россіи, и желая забыть хотя бы и тяжкую вину тѣхъ изъ нихъ, кои, въ невѣрномъ пониманіи служенія ея благу или по легкомысленному увлеченію молодости, впади въ преступныя дѣянія государственныя или противъ порядка управленія, и тѣмъ предоставить имъ возможность принять участіе въ общей работѣ на защиту дорогаго отечества, на одинаковыхъ съ остальными *нашими* подданными основаніяхъ, — *объявляемъ* прощеніе вины и полное помилованіе всѣмъ учинившимъ по сей день преступныя дѣянія государственныя или противъ порядка управленія.

Въ твердомъ упованіи на благость неисповѣдимаго Промысла Господня, обращаемся къ Всевышнему съ мольбою, да ниспослеть *онъ намъ* и любезному народу *нашему* силы покорно перенести ниспосланное испытаніе и да поможетъ *намъ* въ единеніи съ народомъ привести войну къ побѣдоносному концу“.

Проектъ остался проектомъ, онъ даже не дошелъ, какъ дерзновенный, до царя. Съ нимъ ознакомились лишь ближайшіе царскіе клеветы. Нѣкоторые изъ нихъ съ негодованіемъ разорвали дерзкое покушеніе на ограниченіе царской власти, другіе, не читавъ, положили въ карманъ, а третьи — положили въ письменный столъ, въ числѣ другихъ бумагъ, которыя не нуждались въ немедленномъ исполненіи.

Но вотъ, въ ночь на 17 декабря, былъ убитъ Распутинъ. Отъ чьей руки палъ этотъ проходимецъ, загипнотизировавшій царя, околдовавшій царицу и царевенъ, до сихъ поръ еще неизвѣстно. Мы знаемъ только одно, что въ саду особняка князя Юсупова, гдѣ пьяный Распутинъ въ сопровожденіи б. великаго князя Дмитрія Павловича, князя Ф. Ф. Юсупова и депутата В. М. Пуришкевича, совершалъ прогулку послѣ ночного кутежа, внезапно раздались револьверныя выстрѣлы, сразившіе эту гидру русской дѣйствительности.

Одинъ изъ столичныхъ журналистовъ по поводу этого убійства бесѣдовалъ съ княземъ Юсуповымъ, желая выяснитъ, при какихъ обстоятельствахъ произошло событіе, послужившее первымъ звеномъ въ цѣпи послѣдующихъ событій, завершившихся 27—28 февраля освобожденіемъ Россіи.

На вопросъ журналиста, кто именно, какъ и за что убилъ Распутина, князь Ф. Ф. Юсуповъ отвѣтилъ:

— „Не время теперь разбираться во всей этой грязи. Распутинъ убитъ, и не все ли равно, кѣмъ и какъ. Передъ Россіей теперь великая задача побѣдоносно окончить войну. Говорить теперь о Распутинѣ, это значитъ беречь незажившую еще рану и отвлекать вниманіе отъ болѣе важной задачи, которая поставлена передъ Россіей“.

Далѣе Юсуповъ остановился на указаніи причинъ вліянія Распутина. Эти причины, по его словамъ, кроются въ силѣ гипноза и въ податливости той среды, въ которой онъ оперировалъ.

— „Мнѣ непріятно говорить о бывшей царицѣ, — сказалъ Юсуповъ, — потому что мои слова могутъ быть истолкованы, какъ месть за тѣ преслѣдованія, которымъ она меня подвергала, — скажу лишь, что это человекъ — безусловно больной, она страдала религіознымъ умопомѣшательствомъ. Разнузданно-развратный, въ обыденной жизни, Григорій прикидывался святошей при дворѣ, создавъ изъ всей этой компаніи, съ царицей во главѣ, нѣчто вроде секты хлыстовъ“.

— „Царь находился въ состояніи двойного гипноза: онъ поддавался вліянію Распутина и непосредственно, и черезъ царицу. На меня тоже вліялъ гипнозъ Распутина, но во мнѣ, глубоко предубѣжденномъ противъ Григорія, выработалась сила сопротивленія. Часто встрѣчаться съ нимъ я не могъ, потому что для этого нужно было участвовать въ его недостойныхъ кутежахъ. Онъ почти всегда бывалъ пьянъ“.

На вопросъ, предложенный Юсупову, какъ нужно понимать клятву Дмитрія Павловича, что его руки не обагрены кровью, Юсуповъ отвѣтилъ:

— „Не знаю, спросите его самого“. И затѣмъ быстро переѣхалъ тему разговора, перейдя къ характеристикѣ царя. Онъ сказалъ:

— „Николай—безхарактерный человѣкъ, палъ жертвой окружающихъ его сановниковъ, особенно много зла причинилъ Протопоповъ, который явился злымъ гениемъ для царя“.

— „Попытки открыть глаза царю и царицѣ, — продолжалъ Юсуповъ, — дѣлались еще въ самомъ началѣ появленія Распутина на горизонтѣ. Моя мать еще лѣтъ 5 тому назадъ осмѣлилась предостеречь царицу отъ пагубнаго вліянія Распутина, и въ результатъ послѣ этого ей пришлось прекратить посѣщеніе двора. Покончить съ Распутинымъ было не такъ легко. Его вліяніе было огромно и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ мнителенъ и остороженъ. Онъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, читалъ чужія мысли и показывалъ такіе фокусы, какъ отгадываніе того, что у васъ находится въ карманѣ“.

Въ заключеніе Юсуповъ сказалъ:

— „Убійство Распутина было результатомъ не заговора дворцовой партіи, а рѣшенія нѣсколькихъ лицъ, самостоятельно взявшихъ на себя инициативу устранить Распутина“.

Убійство Распутина во дворцѣ произвело впечатлѣніе разорвавшейся бомбы, Всѣ растерялись, заработалъ телеграфъ. Царица искала поддержки и помощи у своего мужа. Она ждала отъ него мести за убійство человѣка, на которомъ, по ея мнѣнію, держались власть и тронъ.

Вотъ рядъ телеграммъ, которыя посылала царица своему мужу по поводу этого событія и которыя свидѣтельствуютъ о паникѣ въ царской семьѣ.

17 декабря, въ 4 ч. 37 м. дня, Александрой Федоровной была

отправлена срочная телеграмма въ ставку къ Николаю слѣдующаго содержанія :

„Можешь ли ты послать Воейкова сейчасъ же. Нуждаюсь въ его совѣтъ относительно нашего друга, который пропалъ въ эту ночь. Мы продолжаемъ уповать на милость Божію. Феликсъ и Дмитрій замѣшаны. Аликсъ“.

Въ 10 ч. 24 м. вечера ея посылается вторая срочная телеграмма :

„К. [Курловъ] дѣлаетъ возможное. Пока ничего не найдено, остановили Феликса, уѣзжавшаго въ Крымъ. Хотѣла бы, чтобы ты былъ здѣсь. Аликсъ“.

18 декабря, въ 11 ч. 42 м. дня, въ ставку посылается новая телеграмма :

„Пока ничего неизвѣстно, несмотря на разспросы народа. Надо бояться худшаго. Устроено этими двумя мальчиками. Аликсъ“.

Въ 3 ч. дня опять телеграмма :

„Дай приказъ Максимовичу отъ твоего имени запретить Дмитрію выѣзжать изъ дома до твоего пріѣзда. Дмитрій хотѣлъ видѣть меня сегодня, я отказалась. Мы спеціально замѣшаны. Тѣло не найдено. Аликсъ“.

На слѣдующій день, 19 декабря, въ 1 ч. 50 м. дня, въ ставку была послана такая телеграмма :

„Благодарю за вчерашнюю телеграмму. Нашли въ водѣ. Аликсъ“.

23 декабря, когда царь уже былъ въ Царскомѣ, онъ посылаетъ матери своей въ Кіевъ телеграмму, въ отвѣтъ на ходатайство за Юсупова и Дмитрія Павловича :

„Благодарю за телеграмму. Дѣло будетъ прекращено теперь же. Цѣлюю. Ники“.

Вотъ первый актъ русской революціи. Съ этого момента власть окончательно начала уходить изъ рукъ безвольнаго царя. Въ странѣ стала чувствоваться полная разруха. Богатая продуктами Россія стала голодать; распоряженія властей производили впечатлѣніе умышленнаго разстройства жизни страны. Все дѣлалось какъ будто исключительно ради того, чтобы увеличить народное недовольство. Даже предметы, необходимые для обороны, изготовлялись замедленнымъ темпомъ. Уголь и металлы не под-

возились, на фабрикахъ и заводахъ начались увольненія рабочихъ, въ воздухѣ носились признаки полной разрухи. Протопоповъ метался изъ столицы въ Царское и обратно, проводя въ царской семьѣ цѣлые вечера.

Среди рабочихъ массъ начались волненія. Рабочіе ясно сознавали, что дальше такъ продолжаться не можетъ, они видѣли Россію на краю гибели.

Наконецъ, 23-го февраля, когда въ лавкахъ, вслѣдствіе распоряженія петроградскаго градоначальника Балка, исчезъ черный хлѣбъ, толпы народа двинулись по улицамъ столицы, требуя хлѣба. Народъ спокойно, не нарушая порядка, двигался стройными массами съ окраинъ къ центру, крича, чтобы ему дали хлѣба.

Никто не могъ понять, куда исчезъ хлѣбъ, но скоро все выяснилось. Оказывается, что, вслѣдствіе приказанія министра внутреннихъ дѣлъ, г-на Протопопова, градоначальникомъ было сдѣлано распоряженіе, сообщенное всѣмъ хлѣботорговцамъ, чтобы они отнюдь не выпекали хлѣба больше указанной имъ нормы, а норма эта никоимъ образомъ не могла удовлетворить самыхъ минимальныхъ потребностей населенія. Вслѣдствіе этого получилось, что въ лавкахъ была мука, а хлѣба не было.

24 февраля съ утра въ городѣ было спокойно. Но вотъ, около 11-ти часовъ утра, въ фабрично-заводскихъ районахъ стали собираться голодные рабочіе, требуя, чтобы лавочники отпускали имъ хлѣбъ.

Сначала все было спокойно, и лишь только въ нѣсколькихъ мѣстахъ были разбиты 2—3 лавки, изъ которыхъ торговцы отпускали съ задняго крыльца хлѣбъ своимъ постояннымъ покупателямъ. Полиція не вмѣшивалась, она держалась пассивно, получивъ отъ своего шефа соответствующее указаніе. Ей нужны были эксцессы народа, и тогда бы загрохотали приготовленные въ Адмиралтействѣ орудія, затрещали бы, разставленные по велѣнію Протопопова на крышахъ домовъ, пулеметы, и столица утонула бы въ крови. Вотъ чего добивался Протопоповъ, чтобы удержать за собою власть.

Для противодѣйствія населенію въ его законныхъ требованіяхъ были вызваны войска. Злой геній царя, Протопоповъ, думалъ, что появленіе казаковъ на улицахъ столицы озлобитъ гражданъ настолько, что они допустятъ какіе-нибудь эксцессы, а тогда уже программа его будетъ выполнена безъ заминки. Однако, народъ и войска прекрасно понимали программу царскаго мини-

стра и никакихъ не только эксцессовъ, но даже отдѣльныхъ шереховатостей, не наблюдалось. Войска привѣтствовались народомъ, казаки братались съ рабочими, и все было мирно и тихо. Полиція совершенно исчезла съ улицъ, ни городского, ни околоточнаго не было видно на обычныхъ постахъ.

Вечеромъ 24-го состоялось экстренное бутафорское засѣданіе совѣта министровъ яко бы по вопросу о мѣрахъ къ облегченію создавшагося затрудненія въ дѣлѣ снабженія продовольствіемъ, на самомъ дѣлѣ для самооправданія членовъ кабинета, дѣлавшихъ только видъ, что они озабочены вопросомъ объ облегченіи положенія народа.

Совѣщаніе происходило подъ предсѣдательствомъ премьера кн. Н. Д. Голицына, инспенировавшаго всю эту комедію, и при участіи предсѣдателя Гос. Совѣта И. Г. Щегловитова, министровъ: военнаго М. А. Бѣляева, земледѣлія А. А. Риттиха, торговли и промышленности, кн. В. Н. Шаховского, путей сообщенія Э. Б. Войновскаго-Кригеръ и морского, ген.-ад. И. К. Григоровича, тов. предсѣдателя Г. Совѣта В. Ф. Дейтриха, гос. секретаря С. Е. Крыжановскаго, и приглашенныхъ предсѣдателя Гос. Думы М. В. Родзянко, тов. предс. Г. Думы Н. В. Некрасова, секретаря Г. Думы Н. И. Дмитрюкова, городского головы П. И. Лелянова и предсѣдателя петроградской губернской земской управы Е. И. Яковлева.

Совѣщаніе пришло къ заключенію о немедленной передачѣ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ въ Петроградѣ петроградскому городскому общественному управленію, но было уже поздно.

Принимая во вниманіе, что, хотя въ распоряженіи петроградскаго городского самоуправленія и не имѣлось въ наличности соотвѣтствующей организаціи, тѣмъ не менѣе совѣщаніе высказало, что предполагается предоставить городскому управленію назначить своихъ представителей для участія въ распредѣленіи продовольственныхъ продуктовъ и для надзора за выпечкой хлѣба. Коль скоро петроградское общественное управленіе получитъ возможность создать соотвѣтствующую организацію при городской управѣ, то тогда въ ея завѣдываніе и можно будетъ передать все веденіе дѣла продовольствія столицы,

На совѣщаніи указывалось общественными представителями, что дѣйствующій законъ, а именно положеніе объ общественномъ управленіи гор. Петрограда, не предоставляетъ городской думѣ достаточныхъ полномочій для урегулированія продовольственнаго вопроса во всей его полнотѣ. На это представители власти ска-

зали, что можно допустить изъятіе изъ дѣйствующаго закона, и предоставить городскому общественному управленію право введенія карточной системы и примѣненія другихъ способовъ для разрѣшенія продовольственнаго вопроса, путемъ срочнаго изданія соответствующихъ обязательныхъ постановленій по продовольственному дѣлу.

Въ заключеніе, экстренное совѣщаніе министровъ пришло къ выводу, что въ порядкѣ думской инициативы слѣдуетъ внести въ Гос. Думу законодательное предположеніе о расширеніи на время войны полномочій городскихъ общественныхъ управленій въ смыслѣ предоставленія имъ права урегулированія продовольственнаго дѣла. Это законодательное предположеніе желали лишь вносить, когда народъ голодалъ, когда нужно было дѣйствовать, а не составлять законодательныя предположенія!

Между тѣмъ, при обсужденіи вопроса о положеніи продовольственнаго дѣла въ Петроградѣ, выяснилось, что въ столицѣ имѣются вполне достаточныя запасы ржаной и пшеничной муки въ количествѣ свыше 460.000 пудовъ, и что столица въ данный моментъ достаточно обезпечена хлѣбомъ.

Было также отмѣчено, что подвозъ муки къ Петрограду протекаетъ въ нормальныхъ условіяхъ, почему проявляемыя столичнымъ населеніемъ опасенія возможности недостатка хлѣба совершенно неосновательны. А хлѣба все же не было и населеніе голодало.

Одновременно съ этимъ на улицахъ Петрограда было расклеено слѣдующее провокаторское объявленіе главнокомандующаго, генерала Хабалова:

„За послѣдніе дни отцускъ муки въ пекарни для выпечки хлѣба въ Петроградѣ производится въ томъ же количествѣ, какъ и прежде.

Недостатка хлѣба въ продажѣ не должно быть. Если же въ нѣкоторыхъ лавкахъ хлѣба инымъ не хватило, то потому, что многіе, опасаясь недостатка хлѣба, покупали его въ запасъ на сухари.

Ржаная мука имѣется въ Петроградѣ въ достаточномъ количествѣ. Подвозъ этой муки идетъ непрерывно“.

Смыслъ этого объявленія былъ ясенъ. Идите, моль, громите лавки. Тамъ есть хлѣбъ и мука, а не даютъ вамъ только торговцы, громите ихъ, а мы съ вами раздѣлаемся по своему.

Но народъ повялъ, куда его заманиваютъ, и на удочку не по-

пался. Съ презрѣніемъ населеніе отнеслось къ выходкѣ Хабалова и погрома не устроило.

Тихо, спокойно закончился день. Люди голодные расходились по домамъ, увѣренные въ своихъ силахъ и въ сплоченности. Всѣ инстинктивно чувствовали, что армія не противъ народа, что солдаты не будутъ стрѣлять, что казаки не будутъ разгонять нагайками толпу голодныхъ гражданъ, просящихъ хлѣба.

25-го фѣвралѣ съ утра также было все спокойно. У лавокъ стояли обычные хвосты, полиція совершенно исчезла, мѣстами лишь кучками стояли воинскіе патрули. Трамвай гудѣлъ и звенѣлъ, на первый взглядъ казалось, что жизнь столицы идетъ обычнымъ темпомъ. Но это только на первый взглядъ. Стоило глубже всмотрѣться, прислушаться къ пульсу жизни Петрограда, чтобы предугадать приближеніе кризиса.

Заводы и фабрики бастовали. Къ 12-ти часамъ трамвай ужъ прекратилъ курсировать по городу. Снова появились на улицахъ толпы рабочихъ, двигавшихся съ пѣніемъ и требованіемъ хлѣба. Мѣстами раздавались выстрѣлы, но по звуку ясно было, что это стрѣляютъ холостыми патронами...

Не будемъ дальше говорить о томъ, что мы слышали, не будемъ приводить слуховъ, циркулировавшихъ въ городѣ, уступимъ мѣсто участникамъ послѣдующаго переворота, пусть говорятъ волынцы, которые были первыми, пусть они намъ расскажутъ о тѣхъ трехъ дняхъ, которые дали намъ свободу. Вотъ рассказъ одного изъ доблестныхъ волынцевъ, имя которыхъ золотыми буквами будетъ занесено на скрижали исторіи освобожденія Россіи отъ ига царизма и произвола.

„Съ утра въ полку говорили, что голодные люди вышли на улицу требовать хлѣба. Былъ произведенъ „расчетъ“ учебной команды, ее раздѣлили на двѣ роты и готовили повести на улицу.

Первой ротой командовалъ человѣкъ жестокій, язвительный, грубый, онъ умѣлъ оскорблять до слезъ даже старыхъ солдатъ. За золотые очки его звали очкастой змѣей, а также злой ехидной. Солдатскими командирами были: фельдфебель подпрапорщикъ Лукинъ, взводные унтеръ-офицеры Василій Козловъ, Федоръ Конониковъ, Михайлъ Марковъ, Михайлъ Бродниковъ, Карасевъ, Орловъ, Губаревъ, Ильинъ, Борисовъ, Валюкъ, Киришь, Кирѣевъ и Кочергинъ, по прозвищу Малышъ.

Во второй ротѣ солдатскими командирами были: фельдфебель